

A man and a woman are featured in a romantic, autumn-themed setting. The man, in the foreground, has light brown hair and a light beard, wearing a dark grey coat over a black turtleneck. The woman, in the background, has long blonde hair and is wearing a tan plaid coat over a black turtleneck, holding a black umbrella. The background is a soft-focus autumn forest with falling rain.

РИНА БЕЖ

Его
СИЛЬНАЯ
слабая
ЖЕНЩИНА

Рина Беж

Его сильная слабая женщина

<https://litres.ru/74206887>

Аннотация

Три года назад наш короткий, но бурный роман схлопнулся, как мыльный пузырь. Он оказался женат. А я... я почти умерла. Теперь он свободен и хочет отмотать все назад, чтобы начать сначала. А я не могу. Той красивой женщины, которой он восхищался, больше нет. Та, что есть, никому не понравится.

✓#Важно! Книга содержит нецензурную лексику, откровенные постельные сцены. ✓#История тяжелая морально. Строго 18+ ✓#ОДНОТОМНИК ✓#Хэппи энд гарантирован ✓#История Захара и Кати

Содержание

Глава 1	4
Визуал	12
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

«Я буду тебя беречь» ...

Наверное, я хотела бы услышать именно эту фразу. Не «я люблю тебя», не «ты мне нужна», «я хочу быть с тобой» и прочие громкие слова... А именно то, что меня будут беречь. Не топтаться на моих чувствах, не загонять меня в тупики моих же проблем, не отворачиваться, когда мне плохо и необходима поддержка. Не исчезать, когда я прячусь под маску безразличия, когда меня нужно обнять и сказать, что все будет хорошо. Я нуждаюсь в том, чтобы чувствовать себя в безопасности. Чтобы у меня была стена, через которую ко мне не подобрался бы весь ненужный сброд из глупых мыслей и хлама человеческого лицемерия.

Берегут самое дорогое. И я хочу быть этим самым дорогим.

И всё.

/Мари Около-Кулак/

ГЛАВА 1

ЮЛЯ

Часы на микроволновке показывают половину восьмого, когда я выключаю духовой шкаф.

Вынимаю противень с подрумянившимися домашними

колбасками, переставляю его на подставку, закрываю чистым полотенцем. Проверяю пышность омлета, доходящего на плите, и наличие зерен в кофемашине. Убедившись, что все в порядке, и мой работодатель Захар Тимурович Дорохов точно не останется на завтрак голодным, покидаю пределы кухни.

Фактически, сегодня у меня выходной день, я совершенно спокойно могла не заморачиваться ранним подъемом и готовкой, а спать хоть до обеда, никто б и слова не сказал. Но внутренняя потребность заботиться об этой семье, в прошлом протянувшей мне руку помощи в тот момент, когда, как говорят, думал на дне, а тут неожиданно снизу постукали, заложена на подкорке. И неважно, что сама семья последние два года состоит лишь из одного члена. Он и один значим. А я, заботясь о нем, хоть так ощущаю собственную нужность.

А иначе зачем жить?

– Доброе утро, Юля, – привычно витая в собственных малооптимистичных мыслях, пропускаю момент, когда тот самый Захар Тимурович появляется на лестнице, бодрым шагом спускаясь со второго этажа.

– Доброе.

Приветствую начальство, притормаживая и оборачиваясь.

Высокий, крепкий, сильный, обеспеченный и наделенный немалой властью – именно таким видят окружающие этого

мужчину, сталкиваясь с ним в жизни или в работе. И он действительно такой – со стальным стержнем внутри, нестигаемый. Внешне. А внутренне – покореженный, обожженный и заледеневший одновременно. Такой же, как и я, эмоциональный инвалид, потому что стерва-судьба и по нему прошла бронетанком.

– Я там, – взмахом руки указываю в сторону кухни, – завтрак вам приготовила. – Поешьте, пока горячий.

– В свой выходной, да... – по-доброму усмехается Дорохов, переиначивая вопрос в утверждение.

Тоже привык, что мои отгулы – больше условность, чем реализм. Я же практически не покидаю этот дом, в который перебралась вслед за хозяевами четыре года назад. А если посчитать общую сложность, то без малого шесть лет наберется.

Да... быстро летит время.

– Мне было несложно, – дергаю плечом, мол, а что такого, и намереваюсь продолжить путь к себе.

Не успеваю даже развернуться.

– Июль, а Стас сегодня тут ночевал?

Будто на прозрачную стену налетаю.

Застываю статуей, глядя в никуда поверх хозяйского уха, зато сердце, востепенувшись от знакомого имени, моментально берет разбег. Да так шустро, что, того гляди, проломит ребра.

Резко становится жарко, ладони потеют.

Привычная реакция на Нилова.

Другой у меня не бывает.

Ни когда его вижу, ни когда просто упоминаю вслух... или думаю. Последнего очень стараюсь избегать, но мысли они такие мысли... скажут взмысленными конями, не спрашивая разрешения, и несутся так резво, что фиг остановишь.

– Кхм, кажется, да, – протолкнув непонятно откуда образовавшийся ком, все же киваю.

Нет, за начальником безопасности я не слежу. И то, что в этом доме у него есть собственная комната на первом этаже по соседству с моей – тоже не показатель моей осведомленности. Звукоизоляция всех помещений здесь на высоте. Когда он приходит и уходит, будучи у себя, я не слышу.

Но чувствую.

Улавливаю его близкое присутствие самым непостижимым образом.

На каком-то очень тонком энергетическом уровне. Неподвластном определению и объяснению. Будто тогда, три года назад, когда мы познакомились, у нас идеально совпали какие-то не то частоты, не то вибрации. Голос, запах, вкус, облик, прикосновения – все вызвало во мне отклик. Очень сильный эмоциональный отклик, который присутствует даже сейчас.

И я ничего не могу с этим поделать. Не могу отключить или игнорировать.

Вот и не верь после этого в физику и химию взаимодей-

ствия противоположностей.

– Не поговорили?

Вскидываю на Дорохова недоумевающий взгляд. Это что еще такое?

– Захар Тимурович, – тяну предупреждающе, – мне кажется...

– Юль, – отмахивается, мотнув головой, – он же не отстанет от тебя, поверь на слово. Я его с универа знаю. Бульдог и тот быстрее отцепится, чем Стас.

Хмыкаю, пусть и не радостно.

– Поздно уже... разговаривать...

Цыкает.

– Пока оба живы, никогда не поздно. Зря ты за него решаешь.

Качаю головой и все же делаю шаг в сторону комнаты. Да, фактически трусливо сбегаю, но это мое решение. Мне с ним жить... или делать вид, что живу.

А обсуждать...?

Не понимает Дорохов очевидного. Или не хочет понимать, хотя сам мужик.

Мужчины любят глазами. Им красоту и идеальность подавай.

Станиславу Нилову так уж точно. Все его женщины были и, уверена, есть красотки высшей пробы. Без изъянов. Без дефектов. Без уродливости.

Три года назад я тоже была такой – изысканной фарфоро-

вой куколкой. Почти идеальной. Потому и нравилась. Но теперь я другая, я – бракованная, почти урод. Так что не вижу никакого смысла что-то начинать.

Наше время ушло безвозвратно. Ничего уже не исправить.

– Мне пора, извините, – резко разворачиваюсь, закрывая тему. Делаю шаг за лестницу и практически врезаюсь в Нилова.

Его руки моментально обхватывают мои плечи, будто стараются удержать от падения, хотя я даже не пошатнулась. А после не спешат отпустить.

Время словно застывает. Или это я застываю, пытаюсь согреться в его надежных объятиях, и, как замороженная, смотрю на дернувшийся кадык.

– Всем привет.

Начальник безопасности Захара Дорохова окидывает нас по очереди цепким взглядом. И пусть на его губах сияет широкая улыбка, в глазах, куда я мельком заглядываю, запрокинув голову, она не отражается.

– Я не помешал? – доносится сквозь гул в ушах.

Мягкий баритон пушистой кисточкой проскальзывает по гортани.

Непроизвольно сглатываю и мысленно благодарю своего работодателя, который берется отвечать за нас обоих.

– Привет, Стас. Нет, конечно. Не помешал.

– А вы тут...?

– Обсуждали, что раз у Юли выходной, то нужно полноценно отдыхать, а не тратить его на двух мужиков, готовя завтрак, – не скрывая веселья, отчитывается Захар Тимурович.

Да, наш начбез и в Африке начбез. Не успокоится, пока всё не выпытает.

– О как...

– Да как обычно.

– И к чему в итоге пришли?

– К тому, что мне было несложно, – вклиниваюсь в мужской диалог, прекращая изображать безмолвную статую.

А следом прекращаю млеть в кольцо желанных рук – неимоверным усилием воли преодолеваю ниловское притяжение и отступаю сначала на один шаг, а потом на второй.

– Я пойду. Приятного вам аппетита.

Как бы не так. Ловким движением Стас перехватывает мою ладонь, заставляя притормозить.

– А ты сама уже завтракала?

Прекращаю гипнотизировать безопасный квадратный подбородок, подчеркнутый дневной щетиной, и поднимаю взгляд выше, упираясь в глаза стального цвета. Очень красивые и очень глубокие глаза.

– Я чай пила.

– Юль, ну, это не серьезно.

– Поддерживаю. Пойдем, поедим с нами.

Господи, дай выдержки и терпения.

– Станислав Антонович, Захар Тимурович, – стараюсь не
цедить и не рычать, – идите вы уже оба... на кухню...

Посылаю их и, выдернув пальцы, спешу к себе.

Вслед доносится тихий смех, но я не реагирую. И точно
не злюсь.

Пусть веселятся.

Это ж даже хорошо. Радуются, значит, чувствуют.

А то порой кажется, что все мы, как неживые, лишь игра-
ем роли.

Визуал

Она - Юлия Михайлова, 32 года, по образованию - дизайнер интерьеров, разведенка, у которой муж-абыюзер в прошлом отнял дочь.

Он - Станислав Нилов, 35 лет, начальник безопасности холдинга Дорохова, женат (был).

Их встреча была случайной, но такой чертовски правильной, будто сошлись две идеальные половинки.

А затем судьба решила, что их испытания еще не закончились...
Или это завистники так решили?

Глава 2

ЮЛЯ

Предаться думам, чем занять абсолютно свободный день, не успеваю. Стоит выйти из ванной, где долго держу ладони под ледяной водой, а после прикладываю к пылающим щекам, как оживает лежащий на прикроватной тумбочке мобильник.

По старой привычке на несколько секунд застываю, издали разглядывая светящийся экран и не спеша приближаться. После делаю первый шаг.

Было время, когда мне почти ежечасно и днем, и ночью звонили исключительно омерзительные личности, желая облить грязью, закидать угрозами и всласть поглумиться. Не буду врать, что их проделки оставляли меня равнодушной.

Совсем нет. И корежили, и пугали, и доводили до истерики не единожды.

Только после того, как я несколько раз сменила номер, телефонный прессинг завершился. Но ощущения, что он может вспыхнуть вновь; что «на том конце провода» притаился очередной враг; что я отвечу, а меня вновь начнут травить, до сих пор живы. И канут они в лету или нет, ответ неизвестен.

– Танюш, привет, – с радостью принимаю вызов, увидев имя абонента.

Травкину Татьяну я знаю, сколько себя помню. То есть почти тридцать лет.

Наша дружба зародилась в босоногом детстве, продолжилась в юности и дальше по накатанной. А разница в несколько годков ни разу не стала помехой. Ведь разный возраст был сущей мелочью по сравнению с тем, что две трети жизни нас объединяло кое-что более значимое – общий коридор.

Наши семьи жили на одной площадке на верхнем этаже сталинской пятиэтажки, родители хорошо общались между собой, а мы, дети, а затем подростки и молодежь, преспокойно ходили друг к другу в гости и отлично проводили время, даже если за окном буянила отвратительная непогода или наступала темень.

Общение заметно сократилось, когда в двадцать два я вышла замуж и переехала к мужу, а несколькими годами позже аналогично поступила Танюшка. Правда, вскоре она вернулась в отчий дом, уговорив супруга жить с ее родителями. Но все эти перипетии окончательно нас не разъединили.

Виделись мы пусть редко, но метко. Даже гуляли на свадьбах друг дружки, а после и на разводах. О да, их тоже отмечали.

Когда же со мной случилось много всего плохого, наша связь, наоборот, окрепла. Подруга детства стала моим якорем и надежным плечом. Я – ее.

А еще пару лет спустя именно она спасла мне жизнь, оказавшись в нужное время в нужном месте... и не растеряв-

шись.

– Привет, Юлёк, – Таня по привычке называет меня именем из детства, из-за чего на губах рождается улыбка. Жаль, мимолетная. Так как следующие ее слова ничего кроме гневного выдоха не вызывают. – Слушай, тут очередное художество на твоей двери оставили. Утром заметила, когда из дома в школу спешила.

– Опять гадости и мат?

– Ну, конечно. Фантазии же никакой.

– Вот уроды.

Закрываю глаза и качаю головой.

Два с половиной года гадят, никак успокоиться не могут. И, наверное, не угомонятся, пока у *монстра* будет на то желание.

– Не то слово, Юль, – поддакивает Травкина. – И нафига спрашивается на подъезде кодовый замок ставили? Все равно пролезают.

– За бабки же, Тань, явно. Потому и прут.

– Ага, – соглашается. – И ведь ладно бы мелом полотно испоганили, даже звонить и беспокоить тебя не стала. Сама б вымыла, как с работы вернулась. Но они краской в этот раз, прикинь? Рукоблуды безголовые.

Хочется матюгнуться, да только толку от этого никому никакого не будет. Потому сразу перехожу к конструктиву.

– Я приеду, Тань. Не переживай. Уберу.

– Да я не за эту похабщину переживаю, Кудряшка. За те-

бя, — называет еще одним именем из детства.

Так в шесть лет меня отец окрестил из-за длинных рыжих волос, выющихся мелкими спиральками. Естественно, что и другие легко подхватили, глядя на мою голову.

Танюшка даже сегодня припомнила, хотя теперь я наполовину седая, каштановый цвет поддерживает стойкая краска, а плотные спиральки превратились в легкие волнистые локоны.

— Спасибо, моя хорошая.

— Да брось, — отмахивается. — Лучше скажи: ты меня дождешься? Я сегодня в школе до трех буду. После у ребят тетрадки с контрольными заберу и домой рвану. А работы вечером перед сном проверю. Так как, увидимся?

— Конечно, увидимся. Обещаю, — не могу не рассмеяться скрытой настойчивости. Ведь и сама по ней сильно соскучилась. — И не спеши там с тетрадками, госпожа учителька. Проверь спокойно в школе. Я... я, пожалуй, еще на кладбище прогуляюсь. А там созвонимся.

— Юль, может, все же меня дождешься? — не ведется на подначку. Становится серьезной. — Вместе сходим, а?

Качаю головой, пусть она и не видит.

— Нет, Танюш. Сама хочу. И не волнуйся. Я справлюсь, — убеждаю, добавляя бравады в голос. — Кстати, слышу, звонок звенит. Давай уже, беги.

— Ой, подождет этот звонок минутку, — смешно ворчит, отчего за ребрами теплеет. Затем командирским голосом до-

бавляет. – В общем, так, Михайлова. Я на тебя очень рассчитываю. А еще у меня новости кое-какие есть, – понижает тон, превращая его в заговорщический, – так что по дороге куплю шипучку и тортик. Под них и буду с тобой делиться.

– А новости хоть хорошие?

Скрещиваю пальцы на удачу.

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Радует иносказанием.

Довольно выдыхаю и киваю:

– Договорились. Я согласна.

Спустя двадцать минут полностью одетая выхожу на улицу. Затылок ощутимо печет, пока преодолеваю расстояние от крыльца до ворот. Не нужно оборачиваться, чтобы распознать чей взгляд на мне сосредоточен. И все же я это делаю.

На пару мгновений пересекаюсь с серыми глазами и тону в них, пусть даже между нами больше десятка метров. В реальность выдергивает резкий сигнал клаксона.

Призрачная связь рвется, я отворачиваюсь и, нырнув в калитку, сажусь на заднее сидение подъехавшего по вызову такси.

– Добрый день. Едем в Люберцы? – улыбается житель южных широт.

– Добрый. Да, все верно.

Отворачиваюсь к окну, не желая продолжать беседу.

Машина срывается с места.

Глава 3

ЮЛЯ

«ША-

ЛА-

ВА!!!»

«ТВАРЬ!!!»

Разглядываю художества, оставленные дружками бывшего мужа с помощью аэрозольной краски, и, нет, не расстраиваюсь. За два с половиной года уже устала заниматься этим бесполезным делом. Лишь протяжно выдыхаю и мысленно прикидываю фронт предстоящих работ.

Придется идти в магазин за ацетоном. Маленького бутылка жидкости для снятия лака здесь явно не хватит. Даже двух.

Криворукие «художники» краски не пожалели. Да и на размер шрифта не поскупились. Сделали высер в два слова, но так качественно, что умудрились изгадить всё дверное полотно полностью.

Даже мысль закрадывается: не мучить себя отмыванием, а взять и докрасить в белый цвет то, что еще осталось не замазанным.

Вот сюрприз говнюкам будет, когда они в следующий раз припрутся. А то, что это сделают, сомнений нет. Паше Дёмину еще несколько лет в тюрьме чалиться, значит, и мне

покоя столько же не будет.

Еще раз пробегаюсь глазами по надписям и, качнув головой, усмехаюсь.

Одно радует, в этот раз грамотность рукоблудов, как их вчера обозвала Танюша, не подкачала. Сумели поделить первое слово на слоги без ляпов. А то, было дело, что от ошибок «запугивателей» и у меня, и у подруги – учителя русского языка и литературы глаз дергался:

«Мы тибя найдем!»

«Каза дранная!»

«Пападись только, предушу»

И это лишь малость, что навскидку приходит в голову.

А было всего и много.

И не только надписи на двери. В копилке деяний Дёминских прихлебателей, за которого мне не посчастливилось выйти замуж, будучи молодой и наивной дурехой, числятся и телефонные угрозы, и письма, приходящие из тюрьмы по несколько штук в неделю, и подклады гадостей в почтовый ящик, и даже поджог.

Раньше, в квартире родителей стояла деревянная входная дверь, обтянутая дерматином с то ли ватным, то ли поролоновым наполнителем, украшенная декоративными гвоздями. Ее-то и не пожалели. Облили бензином ночью и подожгли.

Саня, муж Тани, тогда огонь потушил. Я же, безвылазно обитая в доме Дорохова, сумела приехать только к финалу

и, вызвав мастера, заменить дерево на железо. Думала, увидят ироды проклятые – угомонятся, но нет, начались художества...

Хотя, это ерунда, если подумать. Уверена, имей я квартиру на первом этаже, проблем было б намного больше. Точно бы устала менять стекла на окнах, которые били б с особой радостью. А так до пятого этажа кишка тонка дотянуться.

Оставив лишние вещи в прихожей на тумбочке, спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу. Привычный с детства район. Все кругом до боли знакомо. Деревья, лавочки, детский сад во дворе, торговые павильоны в конце улицы... а на душе муторно.

Тяжело здесь находиться морально.

Головой понимаю, что не я стала причиной смерти всех своих родных, а поступки бывшего мужа – абыюзера. Но сердце все равно кровью обливается, чувствуя за собой вину. Ведь это я, как не крути, привела монстра в семью. Значит, все же косвенно приложила руку.

К счастью, если можно так выразиться, мой путь до строительного магазина, расположенного через пару домов, и обратно пролегает по скользкой, не посыпанной песком тропинке. Потому, кроме дикой сосредоточенности и установки не упасть на голимом льду и не переломать конечности, других мыслей на подкорке не остается. Возвращаюсь в квартиру реально взмыленной, зато в голове пусто.

Стараясь и дальше не циклиться на плохом, вливаюсь в

работу. На оттирку краски уходит почти два часа. За них ни с кем из соседей не пересекаюсь. Лишь изредка снизу доносятся лязг дверей и топот ног, но до пятого этажа никто не поднимается.

Хотя тут ничего странного в общем-то нет. На площадке только три квартиры.

В моей никто не живет. В той, что справа, года полтора назад умерла бабулька, а родственники продавать и сдавать жилплощадь отказались. Стоит закрытая, ждет подрастания внуков. А слева трешка Травкиных. Но и там пока пусто. Сама подруга на работе, муж Сашка и их сын Егорка второй месяц, как находятся за границей. А Танины родители еще шесть лет назад перебрались под Тверь в частный дом, чтобы не мешать молодой семье налаживать быт. Других соседей нет.

Справившись, возвращаюсь к себе. Складываю использованные тряпки, перчатки и пустые бутылки из-под химикатов в пакет для мусора, чтобы, как буду уходить, вынести на помойку. Еще сорок минут трачу, чтобы сполоснуться в душе, избавляясь от резкого запаха ацетона, и выпить чашку сладкого чая. Затем вновь вызываю такси.

Оповещение о прибытии машины приходит практически мгновенно.

– Куда едем?

В этот раз водитель попадает русским. Для Москвы и области – почти фантастика.

– На Ново-Люберецкое кладбище, – сглатываю вязкую слюну и все же добавляю, – только сначала давайте заедем в детский магазин.

Мужчина отрывается от клацанья в навигаторе и ловит мой взгляд через зеркало заднего вида.

– Какой-то конкретный интересуется?

– Нет. Любой... с игрушками.

Кивает. Щелкает в телефоне.

– На Юности подойдет? – предлагает, сдвинув брови к переносице. – Это не торговый центр. Обычный магазин. Вход с улицы.

– Будет идеально.

Дергаю губы в тщетной попытке улыбнуться.

Машина трогается. Замерзшими пальцами стискиваю ремешок сумочки и отворачиваюсь к окну.

Впервые на своей памяти расстраиваюсь, что таксист попадает не из болтливых. Уж лучше б он ездил мне по ушам, не переставая, лишь бы не позволял вариться в собственных тягостных думах... а теперь от них никуда не деться...

Глава 4

ЮЛЯ

Я сижу неподвижно, лишь изредка по инерции немного отклоняясь влево или вправо, когда машина совершает повороты, а внутри меня плющит и выворачивает от бушующих чувств.

До одури и крупной дрожи по телу. До сбитого дыхания и желания закричать.

А перед глазами мелькают уже не улицы Люберец, а кадры прошлой семейной жизни.

Да, память коварна.

Как ни стараюсь, как ни сопротивляюсь, она не отпускает, жадно затягивая всё глубже и глубже. Туда, где все выжжено дотла. Где остались одни руины. Где властвует лишь пепел, боль и безнадега. А непрошенные воспоминания уже во всю выворачиваются из цепких рук самообладания и одно за другим всплывают на поверхность, обнажая то, что хочется забыть навсегда.

Хочется, но не выходит.

...

Я родилась тридцать два года назад в обычной среднестатистической семье: папа – главный энергетик на металлургическом заводе, мама – служащая пенсионного фонда. Единственный ребенок. Любимый, желанный. Окончила школу с

серебряной медалью. Поступила в университет на бюджет.

Дизайнер интерьеров – специальность, выбранная не из-за возможности пройти по баллам, а потому что душа ей горела. Мне непременно хотелось проявить себя, добиться успеха и когда-нибудь обязательно открыть собственное дело. Для этого сразу поставила цель – получить красный диплом. Шла к ней уверенно, не отвлекаясь на глупости. И достигла.

Но перед этим была встреча с будущим мужем.

Мы ходили с Татьяной в кинотеатр на премьеру последней серии Сумеречной саги. Фильм нам понравился. Решили прогуляться по набережной, обсудить впечатления, да и просто отдохнуть, благо погода располагала... вместо этого познакомились с парнями.

Хотя, пожалуй, правильней будет сказать, молодыми людьми.

В любом случае вечер пролетел незаметно, но очень весело. А дальше все оказалось до банального просто.

Весна, юность, влюбленность. Глаза в глаза, улыбки, дрожь по телу, поцелуи. Буйство гормонов. Фейерверк такой, что с ног сбивало.

Павел оказался старше на шесть лет. Адвокат. Житель столицы. Высокий, симпатичный, можно сказать, холеный. И вместе с тем серьезный, образованный и очень заинтересованный во мне.

То, что в двадцать два я досталась ему невинной девочкой,

его неимоверно порадовало и завело. А может, так повлиял повышенный тестостерон, но сил у него хватало и на работу шесть дней в неделю, и на частые встречи со мной, из-за которых приходилось мотыляться на приличные расстояния, и на многое другое.

Влюбились друг в друга без памяти. Если не виделись сутки, почти ежечасно созванивались и переписывались, а после наверстывали упущенное время, обнимаясь и не только в его машине. Павел был ненасытен, и как итог – в ноябре узнали о беременности.

Вопроса «Что делать?» не возникло. В феврале сыграли свадьбу. Затем был мой переезд и жизнь со свекрами.

Недолгая.

В июле я получила красный диплом, а через месяц родила Аленку. В честь знаменательного события родители Павла подарили нам двухкомнатную квартиру в спальном районе.

Ну как нам? Ему.

Но тогда я об этом не задумывалась.

Молодая, наивная – да-да-да, кто не знает, и в двадцать три девочки остаются наивными созданиями, если до этого живут в любящей семье очень правильной жизнью: дом – учеба, учеба – дом и дружба с такой же правильной подружкой детства.

Мои родители вложились в дорогой ремонт и покупку мебели и техники. Все в соответствии с разработанным мною проектом. А уж я постаралась сделать его на славу. Правиль-

ное зонирование, светлые тона, сложное освещение, встроенная мебель, воздушные тюли – все это преображало наше жилье, делая его визуально более просторным. Плюс двенадцатый этаж. Много света, интересный вид из окон. Не то что у тех, кто обитал ниже.

Жили по большому счету хорошо. Павел нормально зарабатывал. Я занималась дочерью, домашними хлопотами и мужем, приходившим с работы усталым. Старалась поспевать везде и всюду, угождать и тут, и там, никого не обделяя вниманием.

Удавалось это вполне неплохо, да и мама с папой здорово помогали. Аленку они обожали. Нет, у нас не прописывались, чтобы с внучкой нянчиться. Наоборот, часто и не боясь, что ребенок маленький, забирали ее к себе.

Почти все выходные, если Паша хотел меня в единоличное пользование, дочка жила у моих. А Паша хотел. Иногда мне казалось, что он даже ревновал меня к дочери. И тогда я старалась сделать все, чтобы тот был всем доволен.

Много позже, анализируя нашу совместную жизнь с Дёминым, я пришла к выводу, что на самом деле в большей степени сама себя пыталась убедить в том, что у нас все хорошо. А на поверку дело было далеко не так.

Мой муж оказался очень непростым человеком. А по сути, психологическим абыюзером.

Он не использовал физическое или сексуальное насилие, чем открыто бы проявил себя, напугал и оттолкнул. Нет,

он действовал очень тонко, филигранно. Постепенно и абсолютно незаметно для неопытной в отношениях меня.

Сначала закружил в вихре эмоций, не давая прийти в себя. Очень красиво ухаживал. Дарил цветы при каждой встрече, пополнял счет мобильного телефона, звонил, шепча нежные слова, и писал милые сообщения, задаривал подарками и покупал нам одинаковые вещи.

У него футболка «ЛО»

У меня «VE».

У него толстовка «Я твой».

У меня «Ты моя».

Естественно, я купалась в эйфории любви. А Павел в это время аккуратно, но основательно проникал во все сферы моей жизни, закреплялся в них... пока не получил почти безграничный контроль в отношениях.

— Юль, сотри помаду. Выглядит по-блядски, а ты у меня чистая девочка. И вообще косметикой пользуйся поменьше. Хочу целовать твою чистую кожу, а не этот грим.

— Откуда взялось это короткое платье? Тебе недостаточно моего внимания, жаждешь чьего-то еще?

— Я не хочу, чтобы ты общалась с этими одноклассниками. У них одни гулянки и танцуйки на уме. А ты серьезная замужняя женщина.

— Почему ты не взяла трубку сразу? Есть кто-то важнее меня? А я ведь переживаю и беспокоюсь о тебе!

Пребывая в гормональном ажиотаже, я не обращала вни-

мание на явные звоночки, что у нас есть проблемы. Во-первых, это было не так часто, чтобы прямо сразу все их собрать в кучу и запаниковать, во-вторых, наивно думала, что раз ревнует, значит – любит.

И даже то, что, когда Аленке исполнилось полтора годика, я вышла на работу помощником дизайнера, а Павел заявил, мол, это мой потолок, и надо радоваться, что он, молодец такой, вообще сумел пропихнуть меня в хорошее место, меня не насторожило.

Нет, я действительно поверила супругу... и поблагодарила его за помощь.

На самом деле очень страшно, когда ты считаешь мужа родным и близким человеком, доверяешь ему во всем, а он в это время постепенно тебя расшатывает, пичкая неуверенностью и страхами, умело понемногу обесценивает твои возможности, аккуратно навязывает чувство вины и никчемности в целом.

– Юль, я удивляюсь, как тебя еще не уволили за ошибки. Вот смотри, я попросил тебя купить белого хлеба, а ты притащила домой ситный. Разве сложно запомнить, что белый хлеб – это батон?!

– Мама просила тебя приехать и помыть ей окна на лоджии в пятницу после работы. Неужели сидеть за компьютером и расставлять гипотетическую мебель – такая сложная работа, что ты устала и перенесла мамину просьбу на субботу? У нее, между прочим, были свои планы на

этот день.

– Юль, скажи-ка, а зачем ты так рано вышла на работу? Неужели дочь надоела? А прикидывалась, что ее любишь.

Вот это, последнее, всегда поражало, так как к дочери он относился параллельно. Ни тепло, ни холодно. Вроде есть и есть. А все объяснения – пока мелкая, мол, с ней неинтересно. И вообще, наследник был бы лучше.

Мой муж был очень хитрым. Он никогда не устраивал скандалов с битьем посуды, не распускал руки, не повышал голос до крика, но очень хитро издевался...

То источал всепоглощающую любовь, то внезапно становился холоден и недоступен. То говорил комплименты, то обидные слова, маскируя их под «шутку». Иногда использовал методы газлайтинга и не скупился ограничивать в эмоциональной близости, сексе или деньгах.

Но все это делалось постепенно, на тихих лапах.

Он методично и упорно разрушал меня, искусно, незаметно ломал психику, наращивал неуверенность в собственном восприятии и тем самым увеличивал уязвимость, заставляя искать причины всего плохого внутри себя и винить тоже именно себя...

– Ты же понимаешь, что все проблемы у нас по твоей вине?

– Мне жаль, что я стараюсь сделать всё для нашей семьи, а ты этого не видишь и не ценишь!

Он мог целый час монотонным злым тоном устраивать эк-

зекуцию под названием «ленивый скандал». Моя же роль во время таких моральных истязаний сводилась к тому, чтобы стоять/сидеть, но обязательно молчать и слушать. Изредка открывать рот, чтобы оправдаться. Но чаще просить прощения, каяться и обещать исправиться.

Это теперь я понимаю, что ничего здорового между нами не происходило. Но, тогда все мои установки были расшатаны невероятно, я не понимала, что есть правильно, а что неприемлемо, и чем дальше, тем больше я путалась в значениях этих понятий.

Абьюзивные отношения, как кипяток. Стоит коснуться его – ты сразу отскочишь, отдернешь руку, чувствуя и осознавая боль, потому что будешь логично стремиться ее прекратить и избежать. Но совершенно не заметишь, как сваришься, когда вода станет нагреваться очень медленно, а разум в это время будет в полном ауте, где нет ни собственного мнения, ни интересов, ни увлечений, где нет ничего, а ты остаешься один на один с человеком, от которого полностью зависишь, а он зависит от усугубления твоей зависимости, потому что этим «питается» ...

Глава 5

ЮЛЯ

Признаюсь честно, у меня до сих пор нет чёткого ответа на вопрос: смогла бы я вынырнуть из «кипятка» абьюза самостоятельно или нет?

Хочется верить, что всё же да. Со временем смогла.

Но явно не так быстро и резко, как помогла это сделать Таня.

Ведь, даже где-то на самом краю сознания понимая нездоровость происходящего, я продолжала бы терпеть и цепляться за наши отношения.

Причин было предостаточно.

Самую важную роль во всем этом, конечно же, играло поведение самого Дёмина. Он не перебарщивал, вываливая на меня всё и сразу. Упреки, недовольство и прочие «фэ» им подавались в умеренных дозах, очень плавно, по нарастающей, поэтому сразу идентифицировать опасность я не могла.

А как виртуозно он манипулировал...

Постепенно, одного за другим, убирал из моего окружения всех: друзей, подруг, коллег, родителей, пока я не осталась в полном вакууме. Представьте себе, я даже не заметила, как мама с папой из частых гостей превратились в редких. Общение с ними свелось к недолгим разговорам по телефону, а Аленку к ним Паша теперь отвозил исключительно сам.

– Зачем нам ехать вдвоем, Юль, сама подумай? Хочешь просто покататься? Лучшие уж займись чем-то полезным – уборкой, стиркой, глажкой, чтобы, когда я вернусь уставший, ты могла посвятить все свое время мне. Знаешь же, как я много ради нас работаю.

Я была уверена: мой муж на самом деле самый лучший человек на счете. Мне несказанно с ним повезло. А ему со мной – нет. И теперь он страдает из-за моего неправильного поведения. Оттого с его стороны проскакивают игнор, злобные высказывания и оскорбления.

Да, в этом лишь моя вина.

Желая исправиться, я всячески старалась угодить.

Убеждала себя, что во всех семьях в начале совместной жизни не обходится без острых углов, но долг жены – уметь их сглаживать. И я сглаживала, набираясь мудрости и терпению. Безропотно прогибалась, подстраивалась и лавировала.

Прикрываясь благими целями, я фактически, сама себе рыла могилу. Причем, охотно.

Дура?

Кто-то скажет именно так. А я не стану оправдываться. Не вижу смысла.

Еще одной причиной цепляться за отношения был пример родителей. Они всегда жили мирно, дружно, с юмором. Смеялись и шутили друг над другом, гуляя, держались за руки и целовались по углам, как молодожены. И это спустя почти четверть века вместе.

Отец ни разу не повысил на маму голос, оберегал. А мама на него надышаться не могла. Какие унижения?!

Господи, я по-доброму ими восхищалась и хотела иметь такую же прекрасную и любящую семью, такие же крепкие отношения! Не сложилось, увы.

Немаловажную роль сыграл и мой страх остаться одиночкой.

Я, как огня, боялась самостоятельной жизни. Мне казалось, что без Павла я не смогу, не выкарабкаюсь. Ведь это он – моя опора, крепость, столп. А я – ноль без палочки. Всего лишь слабохарактерная особь, ничего по себе не значащая без поддержки. Его поддержки.

Это смешно выглядит лишь со стороны. А когда тебе об этом ненавязчиво намекают почти ежедневно... сам муж, его родители, твоя душевная, всё понимающая начальница – совсем другое дело.

О да, много попозже я узнала, что дизайнер, чьей помощницей я отработала без малого пару лет, была любовницей моего мужа. Старой доброй подружкой, играющей за его команду ради каких-то собственных целей. Потому даже в офисе я не отдыхала от абьюза, а продолжала вязнуть, как в болоте, считая себя полной бездарностью.

А Павел умело и вовремя подкидывал дровишек:

– Надо радоваться тому, что есть, Юля, и не прыгать выше головы, раз не дано!

– Какой самостоятельный проект, дорогая? Будь благо-

дарна, что Дарья Семеновна с тобой возится и прикрывает косяки. Да, работа за копейки, но так зато постоянная, близко к дому и график нормированный. Где ты лучшие найдешь? Или тебе из дома почаще отлучаться приспичило? Любимый муж надоел? Жопой вертеть перед мужиками захотелось?

Украдкой давилась слезами, упрекала себя за отсутствие силы воли и стержня, позволившего бы попытаться пробиться вверх по карьерной лестнице, и соглашалась с мужем: да, я – никчемность!

Моя самооценка была такой низкой, что, когда узнала об изменах Дёмина, первая мысль, пришедшая вслед за шоком, заключалась во вполне привычном: я сама во всем виновата!

Нормально?

Абсолютно нет.

Хорошо, что Татьяна, нагрянувшая ко мне без предупредительного звонка и заставшая дома одну, сумела узреть эту «срань господню!» (ее слова!) и не махнуть рукой, а вцепиться бульдожьей хваткой и начать вытягивать.

– Твою ж ма-а-ать... – выдала она, в потрясении меня разглядывая. – Меня не было в городе всего пять месяцев... Пять месяцев, Юлька! А он тебя вот в это всё превратил...

Я стояла у входной двери, недоуменно смотрела на Травкину, уехавшую после рождения сына к родителям, чтобы те ей помогали, пока муж на вахте, а теперь вернувшуюся и явившуюся ко мне на порог.

Явившуюся, как позже поняла, чтобы поддержать любимую подружку, которой изменяет муж.

Представьте размер звездаца: я, вконец затюканная, что даже гулянки мужа, как и его частые командировки, пропускала мимо сознания. И Таня, осевшая в Твери, но узнавшая «новости» и примчавшаяся на помощь.

– Юлька, не пугай меня, родная! Раскрой глаза!

И тут во мне что-то произошло. Будто в темном мрачном помещении тумблер перещёлкнулся, и появился свет.

Я вдруг посмотрела на себя словно со стороны и не узнала.

Строгое закрытое платье, волосы, собранные в безукоризненную прическу, отсутствие макияжа. А подо всем этим тощая до изнеможения девчонка с бледной, немного синюшной кожей. И что самое жуткое – с отсутствием эмоций на лице.

Будто кукла.

– Документы твои и Алёнки где? – внезапно сипло и зло спросила Травкина, решительно шагая ко мне, чтобы отпихнуть от двери и закрыть ее за собой. Но тут же широко улыбнулась моей доченьке, выглянувшей из гостиной, где мы с ней играли. – О, привет, моя сладкая булочка! Иди скорее обниматься с крестной!

Я все еще страшно тупила. А шквал эмоций, которым безжалостно фонтанировала подруга, заставлял морщиться и теряться.

– В столе Павла. В нижнем ящике слева. А зачем тебе?

– Сюрприз твоему недоумку-мужу сделаем!

Натискавшись с Аленкой и отправив ее изучать подарок, который я сразу не заметила, Таня вцепилась в мое предплечье, едва не прошивая кожу ногтями, и потащила растерявшуюся меня в сторону кабинета Дёмина.

– Работы у нее дофига! Семья – полная чаша! Все хорошо у нее, ага! Как же?! Ох-хо-хо!!! Блядь, Юлька, а я ведь, дурилка картонная, пыталась тебе верить, хотя внутри червячок точил... и ведь не зря! Не зря же!!! Ах, какой же он скот, а?! Ну ничего, ничего... мы все исправим!

Воспоминания, даже несмотря на прошедшее время, заставляют ежиться.

А тогда Танюха сделала то, что посчитала нужным. Взяла меня за шкурку, а Аленку на ручки и увезла к своим родителям под Тверь. Почти месяц ей удавалось нас «прятать» и с помощью жёсткой терапии возвращать мой поплывший мозг на его законное место.

– Моль на издыхании! – раздраженно припечатывала она, с громким стуком ставя перед моим носом стакан с «отверткой».

О да, Травкина использовала все методы, какие приходили ей в голову. И с привлечением специалистов, и народные.

– Яйца этому мудаку надо отрезать! И заговор у бабки сделать, чтоб его вонючая морковка всегда вялой была!

– Тань, но Паша...

Зависимость не желала меня отпускать.

– На хуй твоего Пашу, усекла? – яростно рычала она.

– Танюш, а как же работа?

– Поебота! Ты к этой шмаре, которую трахает твой долбоящер, не вернешься!

– А мама с папой...

– Точно! Сейчас я и с ними беседу проведу!

Моим родителям тоже от нее досталось, что не углядели за дочерью, поверив в идеального и заботливого зятя. Именно тогда у мамы начались первые проблемы с сердцем.

И все же Дёмин нас нашел. Но к тому времени я подала на развод.

Думаете, выдохнула?

Как бы не так. Мои беды еще только начинались. Как маятник, который всего лишь набирает раскачку.

Главный удар пришел по нам с дочерью. Демин отобрал ее у меня и, по решению суда, заставил платить алименты.

Знаете, нет ничего страшнее нашего законодательства, которое при сильном желании и неограниченных возможностях можно поворачивать в нужную тебе сторону. Вот Павел и повернул.

Сколько я не билась, изменить ничего не удавалось. Дёмин умело затягивал процесс и беспощадно мстил за то, что решила взбрыкнуть и осмелилась пойти против него.

Силы и близко были не равны.

Еще бы. Вполне себе успешный адвокат с большой практикой, связями в нужных кругах, деньгами, собственным

жильем и незапятнанной репутацией, с одной стороны.

И с другой – я. Уже безработная, ограниченная в средствах и друзьях, а еще с плохими отзывами бывшего руководителя и соседей, как один убеждавшими суд в том, что я – плохая мать, безответственная, психически неустойчивая, гулящая и алкозависимая.

Не поверите, меня даже из уборщиц с такой характеристикой турнули.

Без дочери я сходила с ума. Готова была на коленях ползти к Демину назад и соглашаться на все его условия. Да я и ползала, забывая о чести и достоинстве. К черту характер, когда твоя кровиночка непонятно как, где и с кем.

О, сколько раз я караулила Павла у офиса и умоляла дать мне последний шанс. А он, это видя и смакуя, тянул время.

Тянул, пока не стало слишком поздно...

– Девушка... девушка! – врывается в затуманенное сознание голос таксиста, заставляя проморгаться и осмотреться. – Магазин детских игрушек слева. Или вы передумали идти?

– Кхм... – прокашливаюсь и качаю головой, – нет, не передумала. Извините, просто задумалась немного. Спасибо вам. Я постараюсь недолго.

– Да мне-то что, – отмахивается мужчина и кивает в сторону. – Я чуть дальше по улице припаркуюсь, а то тут знак.

Глава 6

ЮЛЯ

Переступаю порог детского рая и непроизвольно глохну. Треньканье, шум, детский лепет, смех.

Я так отвыкла от подобного, что сориентироваться сразу сложно. Ненадолго застываю на одном месте и осматриваюсь.

Слева мама с маленькой девочкой, присев на корточки, слушает сказку из музыкальной книги. Справа двое мальчишек лет восьми, разыгравшись, пытаются попасть небольшим тряпичным мячом в подвешенную на стойке игрушечную баскетбольную корзину. Бабулька на них шикает, но разве ж деток усмиришь?! Чуть в стороне папа с сыном под наблюдением консультанта опробуют радиоуправляемую машину с полицейскими мигалками.

– Зося, не убегай! – оглушает крик заполошной мамышки, когда ее полутороговавшая кроха, смешно ковыляя косолапыми ножками, чешет мимо меня в сторону стенда с погремушками.

Малышка оборачивается к маме, не замедляя ход, задевает ботиночком загнутый край одной из стоек и едва не летит носом вперед.

Сердце на секунду замирает, а затем начинает частить колкими ударами.

К счастью, обходится без падения и слез. Устояв на ножках, кроха весело хихикает и снова устремляется вперед. Заполошенная мамашка за ней.

Я же с трудом заставляю себя отвернуться и незаметно обтираю повлажневшие ладони о шерстяные брюки.

Вот уж не думала, что поход в обычный детский магазин станет поистине сложным испытанием. Стараясь абстрагироваться от людей, осматриваю само помещение.

Слева коляски, чуть дальше кровати с балдахинами и музыкальными мобилями, манежи, пеленальные столики, стульчики для кормления, машины в половину человеческого роста. Справа стойки с книжками, открытками и другой непонятной, но яркой мелочевкой в прозрачных пластиковых аквариумах. Вся стена впереди – бесконечные полки. От пола до потолка.

Всё везде в игрушках.

Каких только нет.

Куклы пластиковые, куклы фарфоровые, куклы тканевые, в коробках, на подставках, в домиках, с женихами, с подружками, на троне! Плюшевые мишки, крокодилы, зайцы, зебры. Машинки – автопарк из пары сотен наименований. Да нет, больше! Пирамидки, поезда, конструкторы, посудка, развивашки...

Боже, сейчас голова от пестроты закружится ...

Втянув через приоткрытые губы воздух, решаю не мучать себя и сократить время пребывания в магазине по максимуму.

му. Нахожу глазами свободного консультанта возле касс и уверенно к нему направляюсь.

– Добрый день! Чем могу помочь? – девушка лет на пять помладше меня одаривает вполне искренней улыбкой.

– Добрый. Я ищу неваляшку.

– О, хороший выбор! У нас недавно был их привоз. Ассортимент замечательный. Уверена, что-нибудь вам точно приглянется. Пройдемте за мной.

Продавец указывает направление. И для общего удобства шагает первой.

Иду следом.

– Вот. Смотрите сами, – останавливается возле одной из полок, заставленной искомым. Оборачивается и смотрит на меня. – Как вам?

– Впечатляет.

Не кривлю душой.

Неваляшек тут больше двух десятков. Есть и классические, и в виде кукол, и клоуны, и фиг-пойми-кто с размалеванными лицами.

– У вас сын? Или дочка? На какой возраст смотрим? Если ребенок совсем маленький, идеальной будет вот эта... – показывает на красную классическую модель. – Если постарше, хотите поразить и деньги позволяют, тогда можно ту большую, – тычет в полуметровую красавицу.

Судорожный спазм перехватывает гортань. Одно слово выдавить – и то невероятно сложно.

Конечно, я понимаю, что девушка не топчется на ране специально, она вполне профессионально старается помочь, но... боже мой, как же тяжело мне это дается...

Шесть лет прошло, а будто один миг.

– Я первую из предложенных возьму, – заставляю непослушные губы двигаться.

Даже на пластмассовую улыбку сил наскребаю.

– Отличный выбор, – консультант, будто оценивая этот подвиг, одаривает вполне настоящим дружелюбием. – Что-нибудь еще желаете? Или сразу пройдем на кассу?

– На кассу, пожалуйста.

Из магазина вываливаюсь, чувствуя, как по спине вдоль позвоночника стекает пот. И все же горжусь собой. Смогла.

Прижимаю к груди ярко-красную игрушку – от упаковочного пакета отказалась, куда он мне в *том месте*? – и веду головой, пытаюсь разглядеть номер своего такси. Нахожу, но параллельно цепляюсь за стеклянный киоск с цветами.

Все одно к одному. Можно сказать, везет.

– Восемь бордовых гвоздик. И четыре белых, – озвучиваю выбор, когда доходит моя очередь.

– Оформить черной лентой? – продавщица реагирует совершенно спокойно, окидывая лишь мимолетным нечитаемым взглядом.

Правильно. У нее за день таких, как я, может, десяток проходит, может, два. Не всех сострадания не напасешься.

Да мне оно и не надо. От сочувствующих глаз порой ре-

ально можно устать.

– Нет. Только цветы. Без всего.

– Окей. С вас тысяча восемьсот.

Расплачиваюсь.

С покупками бреду к такси. Занимаю прежнее место и оставшийся путь преодолеваю, глядя по сторонам и неосознанно поглаживая пластиковый бок куклы. А на кладбище, возле могил своих любимых, наконец, себя отпускаю.

Нет, не реву. Слезы я выплакала давно. Просто открываюсь воспоминаниям.

Демин разлучил меня с дочерью на бесконечно долгих четыре месяца. За все время я виделась с ней не больше десятка раз. Точнее, это моё солнышко видело меня всего столько, когда «щедрый» отец позволял нам побыть вместе хотя бы часик – поиграть на площадке, сходить в детский уголок в кафе, обняться и прогуляться в парке возле детского сада.

Все остальное я выцарапывала по крупичам сама, когда, прячась за забором дошкольного учреждения, жадно наблюдала за своим сокровищем во время ее коротких прогулок с воспитателем и игр с другими детишками.

А в один из дней июня на мой телефон поступил звонок с незнакомого номера. Мужчина представился лейтенантом полиции и попросил подъехать в морг.

Я тогда была за городом. Занималась своим первым индивидуальным проектом, который мне доверили знакомые моих знакомых. Только построенный двухэтажный кот-

тедж требовалось полностью отремонтировать и меблировать, чтобы, как говорится «заезжай и живи».

Я вцепилась в него зубами, работала сутками на пролет, спеша закончить. Потому что на заработанный гонорар планировала нанять себе лучшего адвоката по семейным делам, способного вернуть мне дочь.

Не успела.

Как позже объяснил следователь, это был несчастный случай.

Алёнка выпала из окна. Что-то привлекло ее внимание. Может, птички. Может, самолет. Не в том суть. Она залезла на стульчик и, встав на подоконник, оперлась на москитную сетку. А та не выдержала...

Двенадцатый этаж. Шансов остаться в живых ноль.

Дёмин был в это время дома. Не один. С любовницей. Наверное, в процессе самого угара, потому что о произошедшем узнал лишь от соседей, которые прибежали звонить и колотить ему в дверь.

В проколе я видела запись, что он, как ответственный отец, положил дочь на дневной сон в ее спальне, а сам занялся рабочими вопросами.

Рабочими...

Бездушный монстр даже в той сумасшедшей ситуации, когда я рвала на голове волосы, не понимая, как... КАК???... это могло случиться?... знал, как себя вести. Против него даже дела не завели. Лишь сочувственно по плечу похлопали.

Мол, бывает...

Я не помню себя в то время. Все было словно в тумане.
День сурка. Или ночь.

Точно знаю одно – дочь я хоронила сама. Дёмина близко к ней не подпустила. Угрожала и рычала так, что мерзавец не полез качать права. Наверное, действительно понял, что если надавит, если только сунется, я его голыми руками разорву.

А желание было. Огромное.

Поминали у родителей. Была только Танюшка с семьей. Ни одного чужака.

А еще через десять дней мы с отцом хоронили маму. Сердце не выдержало раздирающей нутро боли, и она ушла вслед за внучкой...

Обхожу все три памятника – Аленкин в центре, мамин слева, папин справа, как два защитника моего ангелочка в другом мире – и кончиками пальцев касаюсь всех их по очереди. Здороваюсь, протираю салфеткой фотографии. А затем ставлю неваляшку на гранитную плиту и слегка толкаю.

Клак-клак, клак-клак...

Она раскачивается с легким треньканьем, а я, присев на лавочку, просто смотрю... смотрю на солнечную улыбку рыжеволосой девочки, которая никогда уже не отметит свое трехлетие, и ни о чем не думаю...

В голове пусто. А на кладбище тихо, хорошо. И неважно, что на улице приличный минус и ветрено.

На душе спокойно.

Сколько так медитирую, не знаю. В реальность выдерживает вибрация в кармане. Тянусь за телефоном и только тогда понимаю, что пальцы плохо слушаются, да и сама я довольно сильно продрогла.

– Кудряшка, ты дома? Я с работы через пять минут стартую.

Травкина старается звучать оптимистично, но я улавливаю в голосе вкрадчивые нотки. Переживает.

Хмыкаю, демонстрируя бодрость духа.

– Пока нет, Тань, но уже скоро выдвигаюсь.

– Ты у своих? – уточняет завуалированно.

Хотя, по сути, так и есть. Все мои теперь тут. В одном месте.

– Угадала, – наклоняюсь вперед и снова толкаю неваляшку.

Клак-клак... меня успокаивает.

– У тебя всё в порядке, Юль?

– Да, конечно. Не переживай, Танюш. Сейчас через приложение такси закажу и приеду.

Отбиваюсь и поднимаюсь на ноги. Пора выдвигаться. Не стоит Травкину напрягать, ей и без меня есть на кого нервы тратить.

Глава 7

ЮЛЯ

– О-о-о, а вот и моя красотулька пожаловала! – Таня широко распахивает дверь, как только убеждается, что я – это я.

И абсолютно правильно делает, что сначала убеждается. Мы обе с ней в курсе, что поставленная в подъезде кодовая дверь – всего лишь пшик и так себе защита от всякого сброда, захаживающего сюда, как к себе домой.

А сброд регулярно захаживает, и никто точно не знает, какие мысли бродят у него в голове, и на что он в конечном счете способен. Вполне возможно, на агрессию и жесть, раз легко позволяет себе портить чужую собственность и писать гнусные угрозы.

К тому же Татьяна – молодая и красивая женщина, еще и проживающая в настоящее время одна, а значит, потенциально беззащитная.

– Привет, родная.

Переступаю порог и без раздумий ныряю в горячие объятия по-настоящему близкого человека. И пусть мы не сестры по крови, зато сестры по всему остальному. А еще я – крестная Егорки.

– Ух, какая ты холодная. Давай скорее раздевайся, будем тебя согревать.

Подруга берется мне помогать. Ловкими пальцами в от-

личие от моих все еще задубевших от мороза – прогретый воздух в салоне такси не особо помог им отойти и согреться – разматывает с моей шеи бесконечно длинный шарф, расстегивает пуговицы на пальто и стаскивает его с плеч.

Пока определяет вещи на вешалку, я наклоняюсь и снимаю обувь.

– Иди, еще раз тебя потискаю.

Не сопротивляюсь. Да и не хочу.

Татьяна снова прижимает меня к себе.

Обнимаю ее в ответ. Расслабляюсь, как только можно расслабиться с человеком, которому по-настоящему доверяешь. И с удовольствием втягиваю в себя легкий цветочный запах Танюшкиных любимых духов.

Ими она, сколько я себя помню, пользуется и не изменяет. А я никогда не мучаюсь с выбором подарка на восьмое марта, зная, что обязательно угадаю.

Так и стоим не меньше минуты.

Маленькая тощая я. И высокая с прекрасными формами, как модель XXL, Танюшка.

– Похудела же, Юлька! – вдруг ворчливо замечает она. Обхватывает меня за плечи и чуть отстраняет, явно желая получше разглядеть. – Ну так и есть. Посмотри, совсем скелетом стала. Странно, что еще сиськи на месте... – и следом. – Эх, везучая!

Не сдержавшись, прыскаю. А затем и вовсе, немного отстранившись и прикрыв ладонью рот, хохочу в голос. Аж до

слез.

Травкина не отстаёт.

И ведь ладно бы шутка была новой. Так нет, она старая. Ещё со времен о-го-го какого дальнего прошлого, когда мы ещё девчонками были, и Танюшка все жаловалась, что пусть мы едим одну и ту же морковь, только у неё почему-то от неё неизменно растёт нижняя часть тела, а у меня верхняя.

– Да брось, такая же, – немного придя в себя, качаю головой.

Поглаживает по плечу.

– Просто давно не виделись.

А вот это точно.

Я не особо люблю сюда приезжать, мне комфортно в доме Дорохова. И пусть тут трешка, а там всего одна комната, там я расслабляюсь и живу. А эту жилплощадь с удовольствием бы продала... но пока такой возможности не имею.

– Ладно, чего стоим? – спохватывается Таня. – Давай топай в ванную, мой руки и приходи ко мне на кухню. Я салат пока заправлю и стейки по тарелкам разложу. Все горячее и вкусное.

– Слушаюсь, госпожа учителька, – шутливо взмахиваю рукой, прикладывая её к голове, а затем разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и иду в хорошо известном направлении.

Квартиры у нас с Татьяной зеркальные по планировке. Да и столько лет мы вместе, что все знакомо до мелочей.

– Ого, какой богатый стол, – признаю спустя десять минут, разглядывая всевозможные закуски и салатики, выставленные на красивой скатерти. – Когда ты только успела?

– А вот успела, – подмигивает и кивает на высокий стул. – Садись.

Сажусь.

Не спрашивая, буду ли я, Таня наливает вино по бокалам. Молча пододвигает один ко мне.

– Вкусное. Давай за встречу.

Соприкасаемся с мелодичным «дзинь», отпиваем.

– И правда вкусное.

Терпко-сладкий вкус будоражит рецепторы. Теплой волной скатывается вниз по пищеводу. Согревает. Расслабляет.

Порываюсь было начать разговор, но подруга строго командует.

– Юль, сначала хоть немного подкрепись.

Сама тянется к моей тарелке и разворачивает бумажную лодочку. Аромат сочного стейка, запеченного в духовке под сыром, проникает в легкие и заставляет сглотнуть голодную слюну.

Вот ведь. А думала, что есть не хочу.

Некоторое время отдаем должное прекрасному ужину. И только когда я съедаю половину, Травкина дает «добро» на поговорить:

– Как на кладбище? Все в порядке.

– Угу, – киваю, делая еще один небольшой глоток вина. –

Лежат, улыбаются. Я Аленке неваляшку купила.

Рассказываю про поход в магазин.

Таня внимательно слушает, не перебивает. Только под конец уже прищуривается:

– Плакала? Много?

А я даже ответа не знаю.

– Слушай, не помню, – пожимаю плечом, нисколько не лукавя.

Действительно не помню, что там было и как. Время как один миг промелькнуло – это да. А детали...

Мысленно отмахиваюсь и решаю сменить тему:

– Танюш, я жду твоих новостей. Что такое суперское произошло, что надо через левое плечо плевать и по дереву стучать?

– Санька с Егоркой через две недели возвращаются.

Дрогнувшей рукой откладываю вилку и, сцепив пальцы в замок, чтобы особо не тряслись, уточняю:

– Значит, все действительно хорошо? Без отторжения?

Голос от накатывающий эмоций проседает до сипа.

Травкина смотрит на меня сквозь пелену слез и только, как китайский болванчик, кивает.

– Да, Юлька. Да! Врач говорит, положительная динамика на лицо.

На лицо! Боже, какие чудесные вести!

На месте усидеть невозможно. Подскакиваю на ноги и несусь обнимать подругу. Да и та сама тоже уже спешит на-

встречу.

Говорят, только у дураков мысли сходятся. Врут. У подруг тоже такое зачастую случается. И глупости всё, что женской дружбы не бывает.

Бывает.

Я точно знаю.

Стискиваем друг друга в объятиях. Ревем, но не от плохих новостей, а от прекрасных. Затем успокаиваем друг друга, поглаживая по плечам и приободряя.

– Рассказывай подробно! – велю, вновь занимая место за столом.

– Да что говорить, Юленька, я ж туплю в этих их заумных фразах. Но суть в том, что сами врачи довольны. Отторжения точно не случилось. И рубцы подправили. Прогноз у них очень хороший. Тьфу-тьфу-тьфу... Нет, конечно, это еще не конец, наблюдать будут. И придется ни раз ездить, но главное, что самое страшное теперь точно за спиной.

– Господи, я очень рада! Очень-очень!

Перехватываю над столом ее ладонь и сжимаю, стараясь передать поддержку.

– Спасибо тебе, Юлёк. Если б не ты... – со всхлипом втягивает воздух.

– Так! Отставить слезы! – обрываю намечающуюся порцию дифирамбов. – Поднимай бокал, будем отмечать замечательное событие.

А оно реально охрененное.

Примерно два с половиной года назад Егорка, мой крестник, будучи четырехлетним веселым сорванцом случайно опрокинул на себя ведро с кипящей водой. Мать Тани по старинке крахмалила белье на газу и не уследила. Ожоги больше семидесяти процентов тела.

Дальше был полный пи..дец. Две недели в реанимации. Каждый прожитый день словно личный подвиг не уйти за грань. Таня с матерью в неадеквате. Сашка в растерянности.

Кое-какая стабилизация. Операция по пересадке вроде бы прошла нормально, выдохнули. И спустя пару недель – новый шок. Отторжение. Заражение.

Халатность врачей, или чертова судьба – уже похрен. Требовались деньги и срочно. Клиника в Израиле готова была принять. Дорохов дал мне все нужные бумаги по зарплате, большущей зарплате, что требовал банк для оформления нужной суммы кредита. Плюс оформила квартиру в залог.

В общем, все получилось. Кредит дали. Такой, как нужно.

Не удивлюсь, если Дорохов все же где-то подсуетился. Захар Тимурович тогда предлагал вложить свои собственные средства, но я отказалась. Фактически мы с ним – посторонние друг другу люди, я только-только выбиралась из собственной жопы, с которой он мне тоже помог, и едва приступила работать после продолжительного перерыва в его доме.

Но все это была сушая ерунда. Главное, Сашку и Егорку мы на лечение отправили... И дело сдвинулось. Медленно, но в правильную сторону. Только быстро закончиться не

могло. Ведь мальчик растет, а из-за рубцов и прочего кожа не столь эластична...

Это действительно сложно понять обычному человеку, поэтому я цепляюсь за суть – четвертая операция позади, а результат, как Таня, говорит, отличный.

И это прекрасные новости! Господи боже мой, какие прекрасные!

Глава 8

ЮЛЯ

– Кудряш, оставайся. Смотри сколько у меня свободного места. Можешь выбрать любую кровать в любой комнате.

– Спасибо, Танюш. Но все же откажусь.

– А если я тебе свою обожаемую анатомическую подушку отдам? – приподнимает бровь.

Любимая подруга в привычной манере жжет, не теряя надежды оставить меня у себя с ночевкой.

– Прости.

– Да брось, какое прости?! Оставайся, Юль, утром поедешь. А сейчас еще посидим, винцо допьем, после по чайку с пирожными вдарим, еще поболтаем.

Усмехаюсь и качаю головой.

– Куда уж больше, Тань? И так языки до мозолей начесали. Да и утром мне неудобно возвращаться.

Смешно морщит нос.

– Вот ведь вредная, а?!

Но не злится, подкалывает. Следом приобнимает за шею. Кладет голову мне на плечо и, соорудив грустную морщину, с надеждой заглядывает в глаза.

– Замучила я тебя болтовней, да?

– Глупости не говори... – осекаю, поглаживая ее по спине, – я действительно соскучилась по нашим разговорам. И даже

в какой-то мере рада придуркам, – киваю в сторону входной двери, – что дали нам лишний повод с тобой для встречи.

– Точно?

– Абсолютно.

– Ну слава богу.

Выдыхает с явным облегчением и... только потому, что Таня – это Таня, а не кто-то другой, всё же предпринимает финальную попытку добиться своего:

– Ох, Юлёк, ты только глянь в окно, какая там темень жуткая и метель завывает. Бр-р-р... Ну куда ты на ночь глядя поперешься?

Ой, лиса.

Пусть и родная.

Хмыкаю.

– Домой, Танюш. Куда ж еще?

Смотрю на нее прямо, не стремясь спрятать взгляд.

Действительно считаю комнату в особняке своего работодателя единственным теперь домом. Последние три года так точно. Потому что только там ощущаю покой и надежность. Знаю, что те стены, в отличие от стен отчего дома, меня защитят.

Да и высота в новой жизни после гибели Алёнки играет свою роль. Пятый этаж у родителей, конечно, не двенадцатый, что был у Демина, но я все равно избегаю лишний раз подходить к окнам.

Иррациональный страх высоты сидит занозой на подкор-

ке.

Не тот, что я боюсь, что когда-нибудь вдруг, поддавшись эмоциям, сигану из окна. А тот, что произошедшее с дочерью вновь и вновь всплывает в памяти. Мне страшно выглядывать в окно и увидеть жуткую картину распластанного на земле тела.

У Дорохова в этом плане красота. Частный дом. К счастью, двухэтажный. Я живу на первом, поэтому фобия как таковая меня не гложет.

– Всё-таки тебе там лучше, – негромко произносит Травкина, внимательно вглядываясь с мои глаза.

Ну а что тут еще добавить?

– Ты и сама понимаешь.

Обнимаю ее, чтобы напоследок напиться теплом и поддержкой, звонко чмокаю в щеку, а затем отстраняюсь. Достая телефон и в четвертый раз за день вызываю такси.

Пока машина с еще одним молчаливым водителем – в отличие от утра вечером этот факт меня наоборот радует, так как появляется возможность отдыха для ушей – мчит в сторону дома, переключаюсь на позитивные мысли.

Еще раз проматываю в голове замечательные новости по поводу Егорки, а затем мысленно посылаю Таниному мужу лучи поддержки.

Сашка – молодец. Большой молодец.

Пусть изначально, когда трагедия с Егоркой только случилась, на него напал полный ступор. Он без преувеличения

запаниковал и начал жестко тупить, не зная, что делать, как делать, куда бежать, с кем разговаривать. Был мужик, и вдруг превратился в размазню. Даже работу потерял, напоминая своим поведением унылое говно.

Мне в те дни даже казалось, что они с Татьяной не вывезут произошедшего, разбегутся. Точнее, Сашка сольется, сбежит из семьи, испугавшись нарастающих, как ком, проблем. Захочет легкости и свободы.

Почему нет? Таких ветренных мачо по миру пруд пруди. На словах – все герои, на деле – пшик.

Но спустя несколько недель он удивил. Не знаю, что уж в нем щелкнуло, кто дал ему волшебный пендаль, но в один момент он будто повзрослел, взял себя в руки, а после вовсе взвалил все лечение ребенка на свои плечи.

Не фигурально.

Реально.

И это покорило.

Ну сколько, если подумать, мужиков таскается со своими детьми по больницам, а сколько лежит с ними в стационарах, общается с врачами, следит за выполнением предписаний, выхаживает?

Единицы.

И Сашка стал одним из них. Два с половиной года назад как впрягся, так и не отступает. Видит цель и идет к ней бронетанком. Четко, планомерно. Изо дня в день доказывая и окружающим, и себе, что можно одновременно быть и му-

жиком, и папой. И корона брутала на голове при этом несколько не шатается.

А еще его несомненный плюс – он не только занимается с сыном, возит его за границу, проходит с ним реабилитацию, но и работает на удаленке. Благо, айтишники, особенно хорошие спецы, нужны всегда и везде. Вот и он рвет за свой шанс зубами.

И, что меня особо впечатляет, Сашка не жалуется и не попрекает ни Таню, ни ее родителей, что недосмотрели за Егоркой. А вот поддерживает, особенно последних – да.

Машина плавно останавливается перед хорошо знакомым высоким забором. Проверяю в приложении, что оплата прошла успешно, благодарю таксиста, прощаюсь и выбираюсь на улицу.

Действительно погодка не на шутку разгулялась. Метет так, что приходится щуриться, пряча глаза от колких ледяных игл. Опустив голову, короткой перебежкой семеню в сторону входа. Прикладываю «таблетку» к сканеру, дожидаясь тихого сигнала и распахиваю калитку.

Естественно, охрана выходит из своего домика, чтобы меня встретить. Пусть по камерам они видели, кто подъехал, но протокол есть протокол.

Кивком здороваюсь. По расчищенной еще утром, но теперь быстро покрывающейся застывающей на ветру зеркальной наледью дорожке спешу к крыльцу. Краем глаза ловлю движение сбоку.

Не пугаюсь.

Привыкла, что Айна и Стиф, алабаи хозяина, если не заперты в вольере, всегда подлетают, чтобы поздороваться. Вот и в этот раз собаки не изменяют себе. Тем более, вечерами они всегда свободно передвигаются.

Подбегают. Ластятся.

Улыбаюсь, глажу обеих между ушами. Хвалю, что смелые и умные. Обещаю завтра принести вкусные косточки. Чуть позже провожаю их взглядом, когда они, заслышав короткий тихий свист, уносятся прочь.

Все еще улыбаясь, делаю новый шаг. До крыльца пара метров. И тут нога, как на зло, не встает ровно, а проскальзывает вперед. Взмахиваю руками в тщетной попытке зацепиться за воздух и сохранить вертикальное положение. Следом понимаю, что это я зря.

Попытка не засчитана.

Жду скорой встречи с землей и надеюсь, что повезет – отделаюсь синяком на попе, а не переломом конечности...

– Ох! – выдыхаю, когда встреча так и не происходит, а меня, как пушинку, подкидывают обратно вверх.

– Что ж ты у меня такая не аккуратная, – немного хрипло замечает Стас, прижимая меня к груди и совершенно точно не спеша отпускать.

Улавливаю легкий запах табака, исходящий от его одежды. Замечаю пальто нараспашку. Наверное, вышел на перекур, а тут я...

Дальше мысль обрывается. Нилов так внимательно и вместе с тем жадно меня разглядывает, особенно подвисая на губах, что становится резко не по себе.

А еще жарко. Слишком жарко.

Стараясь казаться спокойной и уверенной, проглатываю готовое слететь с губ: «Я не у вас, а сама по себе» и сиплю безопасное:

– Я в порядке, Станислав Антонович. Можете отпускать.

Как бы не так. Исполнять просьбу он не торопится.

Вместо этого прищуривается, будто действительно ничего не слышал, и вдруг с претензией предъявляет:

– Юля, ты что, пила?

Глава 9

ЮЛЯ

– И пила, Станислав Антонович, и закусывала! – слетает с моих губ откровенная дерзость, после которой воцаряется звенящая тишина.

То, что я от самой себя в шоке, понять можно. Четырехлетние отношения с Дёминым не прошли бесследно. Абыюзер приучил, что мужчина главнее, что он всегда прав, а все, что разрешается женщине – молчать, слушать и обтекать. Но! Ни в коем случае не перечить и, не дай бог, особо не эмоционировать.

А я?

Остапа не просто понесло. Можно сказать, предохранители слетели и сгорели к чертовой бабушке. Я позволила себе откровенную непокорность, еще и голос повысила.

Да бывший муж меня за такое тонким слоем бы по асфальту раскатал. И хорошо если только морально. Ведь однажды он слетел с катушек и применил силу.

А Нилов?

А Нилов стоит себе столбом, нагло прижимая меня к своему пышущему жаром и тестостероном крепкому телу, и лыбится. Широко, открыто и так откровенно радостно, будто долгожданный подарок получил. Уже почти не ждал и не надеялся, а тот взял и свалился на него, как снег на голову.

– Ну, если «и закусывала», то, конечно, молодец, Юля, – выразительно мне хмыкает.

Поджимаю губы, чтобы на волне адреналина и остатков винных градусов, бурлящих в крови, еще чего-нибудь не выдать, вот только такое продолжение Стаса не устраивает. Его как раз таки тянет поговорить.

– Надеюсь, хоть не одна откушивала? – ведет темной бровью.

Чего-чего?

– Намекаете, что я алкоголичка, Станислав Антонович? – едва не ахаю.

От дикости предположения меня аж раздувает.

– А ты считаешь, что в одиночку пьют только алкоголики?

Шпарит вопросом на вопрос.

– А вы, значит, считаете иначе?

Нет, у меня это тоже выходит не специально, но... почему-то выходит.

– Вообще-то да, – кивает Нилов.

– Может, обоснуете?

Скрещиваю руки на груди, прожигая его хмурым взглядом.

Очень уж мне интересно его «экспертное» мнение на сей счет, да и на руках, когда тебя держит не кто-то там, а один конкретный человек, о котором как ни стараешься не думать, а все равно думается, находится оказывается приятно и удобно.

Да что там? Просто очешуительно. Но в этих провокационных мыслях виноваты, конечно же, пара бокалов вина, а не я сама.

– Легко, Юль, – кивает все еще улыбающийся начбез, не подозревая о моих метаниях. – Первое. «В одиночку пьют только неудачники». Это я тебе цитату из романа Паланика «Бойцовский клуб» озвучиваю. К слову, я с ней полностью согласен. И второе, – продолжает, не позволяя себя перебить, хотя я абсолютно не спешу этого делать, – в одиночку пьют интровертные коммуниканты.

– Кто-кто-кто?

Не скрываю недоумения.

– Люди, не склонные и не готовые к общению и, как правило, его избегающие, – разжевывает он мне непонятный термин.

– А-а-а... – тяну, переваривая услышанное пояснение. Несколько раз киваю, komponую всё ранее услышанное в одну кучку, и в конечном итоге резюмирую. – О-о-о... то есть вы подумали, что я могу относить себя к вот этим вот неудачникам или отшельникам?... – взмахиваю ладонью и, прежде чем он обязательно подтвердит мой вывод, спешу обрадовать. – Не переживайте, Станислав Антонович, с подругой я была, а не одна.

– С подругой?

– Точно. Вы ее даже видели несколько лет назад, но вряд ли, конечно, помните.

Нилов прищуривается и... в очередной раз удивляет:

– Высокая бойкая брюнетка, которая три года назад была с тобой в клубе? Устроила мне мини-допрос, а после разрешила тебя похитить? Татьяна, кажется, – попадает четко в цель.

Я успеваю лишь кивнуть, а он уже продолжает дальше:

– Юль, я ничего не имею против посиделок в хорошей компании. Отдыхать и расслабляться время от времени требуется всем. Это понятно. Но давай договоримся, что в следующий раз ты обязательно позвонишь мне или на пункт охраны парням и скажешь, что тебя нужно забрать. Они не откажут, я предупрежу.

– Но...

Ведет подбородком, не позволяя перебивать.

– Такси, конечно, лучше частного извоза, да, но, поверь, – выдерживает небольшую паузу, – не панацея от зла. Кто знает, кто сидит за рулем машины? Адекват или вчерашний выпускник психдиспансера. И права у него после экзамена получены или в переходе за бутылку куплены? А еще непонятно, что у него в голове щелкнет, когда он увидит, что ночью к нему в машину садится красивая молодая девушка, немного выпившая, к тому же одна.

Сглатываю, признавая в его словах некую логику... и вместе с тем липкий страх, щекочущий спину между лопатками.

– Вы меня специально пугаете?

– Нет, Юль. Говорю, как есть, потому что знаю статистику.

А меня уже другое цепляет – его озабоченность этим вопросом и поведение такое, будто не просто для тупой блондинки ликбез проводит, а реально хочет достучаться и убедить быть осмотрительней. И я решаю идти ва-банк.

Облизываю пересохшие губы и тихо уточняю:

– Станислав Антонович, вы что же это, за меня переживаете?

Вглядываюсь в его посерьезневшие глаза. Ловлю в них своё отражение... и потому не сразу понимаю, что он немного приседает и, позволяя соскользнуть по своему телу, аккуратно ставит меня на ноги.

Только не там, где подхватил, спасая от падения, на тропинке, а на крыльце возле входной двери.

Придерживает за спину, распластав ладонь чуть ниже талии, и не торопится отступать. Впрочем, я и сама, не известно когда ухватившая его за плечи, никуда не рвусь, стою, смотрю, почти не моргая, и руки не убираю.

Жду ответа.

Ответа, который мне важен.

Кажется, ну, что такого? Переживание – обычная реакция. Распространенная и повсеместная. Но она таковая лишь для членов семьи, родственников и близких друзей.

Нормально, когда родители переживают за детей, когда дети за родителей, братья за сестер и так далее. Но за просто знакомых, коллег по работе, подчиненных мы особо не переживаем. Не рвемся, распрощавшись в конце рабочего

дня, ехать и провожать их по домам. Не говорим, позвони мне, как нагуляешься ночью, я обязательно за тобой приеду в любую точку города. Мы знаем, что они где-то есть, но не бредим их защитой.

А Нилов моей?

– Да, Юля. Я переживаю. Твоя безопасность для меня не пустой звук.

Хотела, Михайлова? Получай, – мысленно комментирую его ответ. Но вместо того, чтобы отступить, вновь продавливаю на очередную откровенность.

– Сильно не пустой?

Зачем так поступаю?

Потому что хочу добраться до того предела, когда Стас наконец устанет быть со мной всем таким исключительно положительным, переживательным и надежным. Сбросит маску святого добродетеля и пошлет занудную идиотку куда подальше.

Не потому, что он по итогу плохой и легко сдается. Отнюдь. Нилов – хитрый, умный, упрямый и въедливый до мелочей мужик. К тому же красивый, интересный и обеспеченный. В общем, всем хорош.

А потому что нам обоим так будет легче.

Ну правда. Зачем я ему сломанная? И морально. И физически. Калека, которой проще людям не верить. Или верить лишь до определенного уровня.

Ему нормальная женщина нужна.

Тем более теперь, когда он стал абсолютно свободен, о чем заявил мне не просто открыто, а прямо под нос паспорт сунул, демонстрируя в графе «Семейное положение» штамп с пометкой о разводе.

Глава 10

ЮЛЯ

Закрываю дверь в свою комнату, приваливаюсь к ней спиной и некоторое время так и стою. Не шевелясь и не спеша скидывать верхнюю одежду.

«Очень сильно...»

Именно такой ответ дал мне Стас на последний вопрос, после чего распахнул дверь в дом и жестом дал понять, чтобы я заходила внутрь.

Сам следом не пошел.

Так и остался стоять на улице в распахнутом настежь пальто. Но даже закрывшаяся за мной дверь не сумела отсечь того пронзительно взгляда, которым он меня одарил на прощание. Будто клеймо на спине выжег.

И сейчас оно, зудя и пульсируя, – и неважно, что фантом – все больше разрастается и, как в воронку, старательно затягивает в прошлое.

– Нет, не хочу...

Скидывая морок, резким движением отталкиваюсь от дверного полотна и отхожу к шкафу. Стаскиваю с себя пуховик, определяю его на плечики. Шарф идет следом. Дальше избавляюсь от черной водолазки с воротом под горло и теплых шерстяных брюк.

Я такая мерзлячка, что при выходе на улицу зимой выби-

раю вариант утепляться по максимуму.

«Форс мороза не боится», – точно не про меня.

Последними снимаю носки, бросаю их на стул и, полностью игнорируя свое отражение в зеркале, достаю футболку и спортивный костюм.

Последний – довольно старый, переживший, как говорится, пятьдесят стирок, две весны и гордо подобравшийся к третьей, но такой любимый, что нет никаких сил с ним расстаться. Даже то, что есть новый, качественный и удобный, купленный больше полугода назад, отглаженный и полностью готовый к носке, ситуации не меняет.

Старый словно ближе к телу, а новый... он точно чего-то ждет.

Хм... но чего?

Убрав собственноручно созданный беспорядок и закинув сумку на полку, обуваю балетки, разношенные до состояния любимых тапочек, и выхожу в коридор.

Вроде бы у Тани после всяких вкусок выпила большую чашку чая, а мне мало и еще хочется. Горячего, крепкого, душистого. С ярко-зелеными листиками мяты и тоненьким, почти прозрачным, кружочком лимона.

А раз хочется, так зачем себе отказывать? Сна всё равно ни в одном глазу.

На кухне в этот час пусто.

Оно и понятно. На постоянке в огромном доме, кроме меня, отвечающей за все хозяйство в целом, только Захар Ти-

мурович живет. Но, судя по отсутствию под навесом его машины, он сейчас где-то в отъезде. Вернется или нет – только богу известно.

Раньше еще жила Злата, его младшая сестренка. Восемнадцатилетняя хохотушка и очаровашка, которую я всем сердцем любила... ее все любили. Но она... умерла. Два года назад. А других женщин здесь отродясь не было.

Что же касается мужчин... Нилов – частый гость. Хотя, если вдуматься, то и не гость вовсе. Он почти член семьи Дорохова. Давний лучший друг, еще со времен учебы, к тому же его правая рука во всех делах и начальник службы безопасности. В общем, тот еще адский коктейль с неограниченными правами и полномочиями.

У Стаса, конечно же, где-то в городе и собственное жилье куплено, но здесь он свой угол тоже имеет. Как раз по соседству с моим. Небольшую, но уютную комнатку, где в последнее время частенько остается ночевать.

Однако, кажется, не сегодня.

Еще в доме изредка появляются парни из охраны. Но те делают это только если того требуют обстоятельства. Без дела – нет, никогда. Для проживания у них свой гостевой одноэтажный коттедж имеется. И еще к нам три раза в неделю уборщица заглядывает, помогает мне наводить чистоту в комнатах. Но работает она строго с десяти утра до четырех дня.

Так что да, в этот час в кухне пусто.

Заварив чай, обхватываю толстые стенки чашки обеими ладонями и подхожу к окну. Отпиваю мелкими глоточками ароматный напиток и наблюдаю за Стифом. Бело-рыжий алабай пытается что-то отрыть в снегу возле поленницы. Сует любопытный нос в подкоп, нюхает, чихает. Обегает круг. Потом вновь роет, вновь нюхает и чихает. Тявкает, припадая на передние лапы.

Улыбаюсь, смешной такой. По сравнению со степенной Айной этот молодой пес – просто клубок энергии и задора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.